

— Ему-то всё равно, через сколько лет возвращаться в столицу, а вот тебе бы не уходить в усердную учёбу на годы. Ты — обладатель реальной должности, цянью пятого ранга. Даже если прочтёшь две комнаты, набитые «Лунь юй», всё равно к экзаменам тебя не допустят.

Сунь Инцзюэ покачал головой, вдруг пару раз поцокал языком и, прислонившись к столу, подался к нему ближе:

— Се Ин, сколько вам нынче лет?

Се Ин, не обращая внимания на такой скачок с темы на тему, серьёзно ответил:

— Мне двадцать три года, я на два года старше вас, наследник Сунь.

Наследник Сунь произнёс:

— Тебе уже двадцать три. Мой отец в твои годы имел двоих сыновей и дочь. У меня детей поменьше, но тоже растёт дочка. Мне кажется, у тебя дома просто нет ни старших, ни младших, вот ты от скуки и засел за книги.

Улыбка на лице Се Ина не померкла ни на миг, словно шутили вовсе не над ним:

— Вы приехали ко мне сегодня только ради этого? Я считаю себя ещё весьма молодым и не спешу связывать себя семейными узы.

Сунь Инцзюэ внимательно взгляделся в него:

— Ты ещё молод?

Се Ин безмятежно откликнулся:

— В древности девы выходили замуж в двадцать, а мужи женились в тридцать, дабы набраться жизненных сил и лишь затем исполнять супружеский долг, оттого древние и отличались долголетием. Если судить по этой мере, разве я не молод? Добрые намерения наследника Сунь я ценю, но с женитьбой не спешу. Лучше уж в столь прекрасные годы прочту ещё несколько книг, чтобы впредь лучше исполнять службу для императора.

Что ж, похоже, цянью Се совсем одержим книгами из-за того вундеркинда!

Сунь Инцзюэ со вздохом покинул винный дом и пересказал отцу, как Се Ин зачитался до того, что даже жениться не желает.

Сунь Тай в эти два дня из-за подначек сына всё ломал голову над тем, какую бы невесту сыскать для Се Ина. Услышав это, он с облегчением перевёл дух, косо взглянул на сына и принялся бранить его:

— Умный человек понимает, что нужно читать книги, закалять характер и беречь жизненные силы! А ты с пятнадцати лет в женских покоях развлекался, всё здоровье растратил, за столько лет родил мне всего одну внучку! И кому в будущем перейдёт дом Сунь Тая? Пошёл прочь! Ступай в кабинет и два дня читай книги в тишине и покое, и чтобы к женщинам — ни ногой!

Сунь Инцзюэ и вправду заперли в кабинете, и ему пришлось вытерпеть немало времени, прежде чем вырваться наружу. Он горько пожалел, что проболтался отцу. Воспользовавшись тем, что отец ушёл на службу в ведомство, он разыскал близких друзей из знати — Сюй Ци, сына маркиза Уань Чжэн Гана и других, — чтобы пожаловаться на свою судьбу. Те лишь

покачали головами и со вздохом молвили:

— Ты эти дни провёл словно в Персиковой обители, не ведая о происходящем вокруг. Разве ты не знаешь, какая кутерьма поднялась в школе воинского искусства? Никому жизни нет!

Он удивился:

— Что такое? Неужели шэньюани школы воинского искусства тоже, как и Се Ин, вознамерились сдавать экзамены на цзиньши?

Внучатый племянник маркиза Сянчэна Ли Янь горестно вздохнул:

— Если бы они сами захотели сдавать, полбеды! Нынче же сам господин Чжан и цензор Линь, ведающий воинским искусством, взялись наводить строжайший порядок!

— Утренняя и вечерняя поверка: кто не явился к началу часа Дракона, того заносят в списки и передают начальнику лагеря для сурового выговора. Если у лагеря учения, нужно сперва отпроситься в школе, а после учений возвращаться на занятия. А уж испытания в начале месяца! Раньше их проводили школьные наставники, а теперь господин Чжан лично составить темы и вопросы изволит да ещё заставляет подчинённых чиновников проверять работы. Ну и как тут выжить?!

Сунь Инцзюэ потёр нос, про себя радуясь, что ему уже перевалило за двадцать и учиться больше не нужно.

Ещё один молодой господин, обучавшийся в школе, добавил:

— Господин Чжан лично написал «Оду о побуждении к учебе» и вывесил её в лекционном зале. Пишет там: «Неужто лишь в бедности и скромности можно учиться? Или лишь вдали от пышной роскоши обретается усердие в науках?», или «Пусть Дао беспредельно, но даже святые нуждаются в учении»... Ещё и натащили на полки лекционного зала какие-то книжонки, составленные бог весть каким деревенским вундеркиндом, а наставники чуть что твердят: «В пятнадцать лет я направил свои помыслы на учение». Мы ведь не книжники какие, чтобы зарабатывать на жизнь чтением, к чему такая строгость?!

Сюй Ци приподнял бровь:

— Это вовсе не какой-то безымянный деревенский вундеркинд. Как вы могли забыть? Это тот самый добродетельный муж, за которого Цзиньивэй просили высочайшей похвалы, из дела о еретиках! Сын Цуй Цюэ из Министерства финансов! Я тогда ещё хотел поднести ему кубок за компанию, а он даже пить не стал и удрал — вот уж разочарование!

Кто-то подхватил:

— Сына какого-то мелкого чиновника кто станет запоминать? Из уезда Цяньань я знаю лишь одного человека по фамилии Цуй...

Все моментально всё поняли и грянули хохотом.

Кто-то спросил:

— Неужто в Цяньане фамилия Цуй так знатна? Мало того что явилась красавица Цуй, так ещё и вундеркинд по фамилии Цуй появился?

Сюй Ци сказал:

— Этот написавший книги вундеркинд Цуй ещё похож на сына Цуй Цюэ, а вот изящная красавица Цуй ни за что не могла вырасти в семье такого старого сухаря. Я помню, у него всего две дочери, старшая выскочила замуж в Сычуань, так что красавицей Цуй она точно быть не может.

Все посмотрели на Сунь Инцзюэ — его отец временно ведал делами Цзиньивэй, да и сам он обретался в военных гарнизонах, так что все надеялись, что он знает о красавице Цуй побольше.

Сунь Инцзюэ лишь развёл руками:

— Отец на днях запер меня в кабинете за книгами, я из дому носа не показывал и знаю даже меньше Сюй Ци. К тому же разве станет юная красавица из благородной семьи выпускать книги? А та, что способна сама вести дела и держать торговлю, пусть и красавица, но, скорее всего, уже в зрелых годах. Я вот расследовать не желаю. Пока не выяснил, буду считать её прекрасной, как Богиня горы Тайшань. А прознаю, что она стара и дурнушка, — как мне потом её книги читать?

Все запричитали и закачали головами, отказываясь верить, будто столь громкая слава возникла из ничего. Однако у каждого в душе залегла тень сомнения об увядшей красоте, и дальше вести этот разговор стало тоскливо. Тогда наследник маркиза Уань заговорил о том, что в Цяньане открылось ещё одно книгоиздательство «Цзинчжутан», умеющее печатать цветные иллюстрации. Они отпечатали прекрасную «Алмазную сутру», где изображения Будды исполнены величия и изящества. Его почтенная мать приобрела несколько свитков для храма Таньчжэ, и даже несколько дворцовых евнухов расспрашивали, где достали эту прелесть.

Сперва говорили о Четверокнижии, теперь о буддийских канонах — всё сплошь скучные и назидательные вещи. Молодым аристократам стало совсем невмоготу, и они завели:

— Как бы ни были хороши картинки в канонах, разве сравнятся они с изображениями красавиц? Чем судачить об этом, лучше подумаем, какая история выйдет в новой книге красавицы Цуй...

=====

А Цуй Се и в самом деле сидел дома и трудился над новой книгой.

Роман «Троецарствие» насчитывал сто двадцать глав и двадцать четыре тома. Если бы они вырезали все доски сами, то не закончили бы и к следующему году. Поэтому «Троецарствие», как и «Алмазная сутра», печаталось с деревянных печатных досок, купленных у южных книжных лавок, а затем вычитанных и отредактированных самостоятельно.

Старое издание также содержало и текст, и картинки. Пэн Янь вместе с ними вычитал текст и отпечатал один пробный экземпляр. Вернувшись домой, Цуй Се в свободное время разбирал вёрстку: вставлял иллюстрации в соответствии с сюжетом, приказывал резчикам спиливать лишнее с печатных досок с рисунками и компоновать по два текстовых блока на одной печатной форме либо разделять текстовый блок и добавлять к нему иллюстрацию.

Что касается собранных комментариев, вставлять их внутрь готовых печатных досок было неудобно, поэтому он велел резчикам вырезать узкие вертикальные бруски с текстом и прилаживать их к внешним краям текстового поля. Из соседского дома семьи Чжао они

заказали большеформатную бумагу длиной в один чи два цуня и шириной в восемь цуней три фэня, так что при переплёте книги по обеим сторонам полей оставались белые полосы шириной в один цунь.

Когда книга раскрывалась, комментарии, отпечатанные на полях левой и правой страниц, аккуратно сходились к центру. Высказывания разных критиков печатались разными цветами: яркие краски и мысли сталкивались между собой, дополняя или опровергая друг друга, что выглядело броско и интригующе. Если же на полях не хватало места для пылкого спора, после каждой главы помещался длинный разбор, отпечатанный опять же особыми цветными чернилами, чтобы не мешать чтению основного текста.

Поскольку комментарии и рисунки пока были готовы не полностью, они сначала отпечатали пробный тираж первых нескольких глав с иллюстрациями, изображающими вдовствующую императрицу Хэ, императрицу Фу, Дяочань, двух сестёр Цяо и прочих красавиц, и передали их на пробу опытному читателю Тан Нину и крупному покупателю — молодому господину Вану.

Талантливый Тан Нин собрал единомышленников, дал им прочесть книгу и написал пышное длинное эссе о том, как приятно читать такое издание и насколько увлекательны комментарии. Молодой господин Ван поступил куда прагматичнее: спрятав серебро в рукав, он прибежал к Цуй Се домой и спросил:

— Хватает ли тебе серебра на печать всего издания? Я могу вложить сотню-другую лянов прямо сейчас, забронируй за мной двадцать комплектов!

Цуй Се с облегчением выдохнул и с улыбкой ответил:

— Благодаря вам, брат Ван, мои «Записки о собранных ароматах» принесли более чем достаточно дохода. Нынче дело за малым: закончить рисунки и расставить комментарии, а в рабочих и серебре недостатка нет.

На самом деле больше всего он опасался, что нарисованные им знаменитые полководцы не придутся по вкусу современникам: в живописи эпохи Мин доблестные мужи непременно изображались с длинной талией и внушительным животом, и без солидного брюшка будто бы не хватало величия великого военачальника или сановника. Цуй Се не привык рисовать круглые животы и сделал Люй Бу стройнее, из-за чего резчики даже попеняли ему, мол, фигура генерала выглядит недостаточно могучей. К счастью, и плативший щедрые деньги клиент, и строгие критики обладали отменным вкусом, что вернуло Цуй Се уверенность.

На всякий случай он всё же поинтересовался у молодого господина Вана:

— Я изобразил живот маркиза Вэнь поменьше. Ничего страшного?

<http://bllate.org/book/18372/1761296>